

УДК 1:3+177.3

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.27.77>

Формирование христианской морали в условиях двоеверия (анализ литературных источников)

А. В. Миронов

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Аннотация. Рассматривается процесс формирования моральных положений в условиях двоеверия. Акцент делается на обосновании смены ценностных моделей жизни, происходящей на рубеже XI–XIII вв. в Киевской Руси. Анализируются литературные источники, содержащие нравственную проблематику. Сравнение религиозных и светских принципов жизнедеятельности человека позволяет выделить наиболее значимые факторы, определяющие моральную трансформацию в обществе. Исследуются основные добродетели, предлагаемые в качестве ориентиров при формировании новых моральных положений.

Ключевые слова: моральная трансформация, нравственное назидание, двоеверие, ценностная модель жизни, христианская мораль.

Для цитирования: Миронов А. В. Формирование христианской морали в условиях двоеверия (анализ литературных источников) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2019. Т. 27. С. 77–87. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.27.77>

Социальные, экономические, политические проблемы, представленные в обществе, фокусируются в религиозном пространстве в виде конфликтов, возникающих между традиционными вероисповеданиями и альтернативными культурами, претендующими на новое истолкование картины мира. В качестве мировоззренческой основы их представители предлагают иную ценностную модель отношений с государством, социумом, семейным кругом, окружающими гражданами, обосновывая свои взгляды особым просветлением основателей данного движения, надвигающейся мировой катастрофой, возвращением к духовным истокам этноса. Обязательной составляющей этих учений является трансформация общепринятых моральных принципов, выражающаяся в новых идеалах, поведенческих стандартах, коммуникационном взаимодействии, бытовом укладе, что вносит диссонанс в утвердившиеся обычаи. Интерес к историческому прошлому стимулировал обращение части общества, особенно молодежной среды, к неоязыческим культурам. Данный феномен можно интерпретировать как внимание ко всему новому, как противостояние официальной системе взглядов, попытку изменить формат отношений. В этом контексте изучение особенностей становления христианской морали в историческом прошлом Древней Руси в период двоеверия, установившегося в X–XIII вв., отвечает задачам понимания истоков духовной культуры современного российского социума.

Целью данного исследования является: 1) анализ противоречий между христианскими моральными положениями и общепринятыми нравами на территории Древней Руси в период X–XII вв.; 2) установление способов влияния на массовое сознание языческого общества; 3) интерпретация текстов, оказавших воздействие на изменение моральных парадигм древних славян; 4) выявление особенностей феномена двоеверия. В качестве метода исследования предлагается историко-сравнительный анализ, позволяющий соотнести ценностные модели жизнедеятельности человека в условиях столкновения религиозных систем. Междисциплинарный подход предоставляет возможности использования как исторических материалов, посвященных внутриплеменным отношениям славян, так и памятников древнерусской литературы, содержащих восприятие современниками реальной картины нравственности.

Исследования распространения христианского вероучения в Киевской Руси представлены в исторической литературе XIX–XX вв. Особое внимание уделяется политическим, военным, экономическим отношениям славянского государства с Византией, через которые интерпретируется феномен Крещения Руси [4; 5; 9]. Изучение особенностей социального взаимодействия внутри славянского этноса (включающих нравственную составляющую) получило отражение в работах современных ученых [6; 10]. Примеры религиозного подвига, демонстрирующие силу моральных убеждений, опирающуюся на христианские ценности, описаны в ставших каноническими нравоучительных трудах [11].

Моральный аспект религиозного учения охватывает основные сферы реализации индивидом своих представлений о «должном» в коммуникациях с соплеменниками. Государственные, экономические, родственные связи включают знаковые ориентиры приемлемого и недопустимого в действиях, в случае их нарушения человек теряет поддержку этнического объединения. Устойчивость и приемлемость в трансляции нравственной основы поступков служит условием выживания и благополучия племени в кризисных ситуациях (конфликты, стихийные бедствия, природные катастрофы). Через признание основных запретов и регламентаций, одобряемых большинством членов племени, происходила идентификация принадлежности к данному этносу, совпадающая с обязательными требованиями персонифицированных сверхъестественных существ. Мораль и религия формируют каркас целого, определяющего понимание «своего» и «чужого».

В Древней Руси язычество формировалось в жестких природных условиях (долгая зима, лесистая местность, заболоченность, обилие хищных зверей), что обуславливало нравы славянских племен: многоженство, рабство, жестокое отношение к пленным, человеческие жертвоприношения. Трудности борьбы за существование определили свободные границы при выборе средств достижения личных и групповых целей. Вероломство, неверность данной клятве, неуважение к чужой собственности, насилие служили привычным способом разрешения житейских проблем (киевские князья запрещали своим купцам «творить пакости» на территории Византии). Ситуации

измены, предательства, коварства, случавшиеся во времена княжеских междоусобиц в более поздний период, можно интерпретировать как продолжение укоренившихся языческих традиций. Заимствованные из природной среды поведенческие установки борьбы за существование и поклонение сверхъестественным силам способствовали признанию и оправданности приоритета культа физического превосходства над иными качествами человеческой индивидуальности (доброта и милосердие в этой логической связи считались признаками слабости и незащитности). В языческих культурах пространства жизни и смерти тесно переплетены непосредственным переходом из одного в другое. Закрепление табу, обрядов жертвоприношений, выбор фетишей, публичные священнодействия, обычаи кровной мести, касающиеся каждого, переносились на быт и нравы древних славян, формируя модель жизни, где сакральное неотделимо от реального. Государственные формы взаимодействия с подданными предполагали не только экономическое подчинение (подати), но и почитание тех богов, которым поклоняется суверен и его дружина. «Княжеский бог становится богом общегосударственным» [1, с. 473].

С принятием христианства Киевской Русью этнос, проживающий на этой территории, оказался в ситуации противостояния с новым верованием не только в религиозной плоскости, но и в нравственной. Различия касались как обрядовой стороны поклонения сверхъестественному началу, так и шкалы ценностей, уклада жизни, мировосприятия, сложившихся на протяжении веков. Подобная ситуация определяется как феномен двоеверия: совмещение различных верований в общественном сознании, где историческая традиция контрастирует с новым вероучением (в конкретном случае – поддерживаемым государством). Изменения религиозного характера предполагают формирование новой ценностной модели жизни, отличающейся от предыдущей. В противном случае восприятие произошедшего разрыва носило бы формальный характер и не оказывало влияние на мировоззрение неопита. Принципы жизнедеятельности славян начиная с XI в. регламентировались церковными канонами, совпадающими с государственными актами. На священника возлагались функции духовного пастыря, обучающего принципам веры и в то же время внушающего моральный стандарт, соответствующий бытию христианина. Визуальные факторы новой веры входили в сознание славян через строительство храмовых зданий, отличавшихся архитектурной спецификой византийского стиля (монументальность, настенная роспись, позолота). Эстетическое величие церковных соборов вызывало у новообращенных чувство восхищения, переходящее в почитание религиозной идеи, ассоциирующееся с увиденной красотой. В открывающихся монастырях (незнакомая славянам духовная институция) были представлены: помощь нуждающимся и страждущим, служение Богу возданием молитв за всех православных христиан, образовательные возможности. «Учение книжное», содержащее достойные примеры поступков, проникнутых христианским вероучением, должно было стать опорой в нравственной проповеди перед язычниками. Важным аспектом моральных поучений являлся

фактор этнической близости священников и монахов с посещающими монастырь прихожанами, включавший специфику использования языка, понимание особенностей народного сознания.

Историк русской церкви А. В. Карташев писал об авторе «Слова о законе и благодати»: «... на смелый шаг автономного посвящения в митрополиты он (Илларион. – *А. М.*) пошел не по мотивам карьеры, о том говорит его нравственный облик молитвенника, аскета и, вероятно, схимника, миссионера, писателя и вождя монашества» [3, с. 206]. Текст данного произведения выстроен таким образом, чтобы совместить две задачи: просветительскую и назидательную. В книге воспроизводятся основные положения Ветхого и Нового Завета, но образ И. Христа и его деяния прослеживаются как путеводная нить для каждого обратившегося в христианскую веру. Информативно-описательный акцент «Слова о законе и благодати» оправдан направленностью к незнакомым с библейской историей простолюдинам, поэтому богословские рассуждения носят вторичный характер. Духовная проблематика раскрывается в наиболее сложных для восприятия язычниками вопросах христианского вероучения. Центральной темой является «Спасение небесное» как смысл земного существования человека, сфокусированный на вечной жизни души. Несопоставимость его с обыденными чаяниями человека являлось стимулом к осуществлению христианских заповедей и противоречило языческим отношениям со сверхъестественными силами по принципу взаимообмена поклонений на материальные дарования. Митрополит Илларион обращает внимание читателя (или слушающего) на соотносительности служения Создателю и служения людям. В качестве иллюстрации он приводит пример преображения жизни святого равноапостольного князя Владимира после участия в таинстве крещения, акцентируя на благодеяниях и милосердии главы государства, посчитавшего первоначальной обязанностью обращенного в христианство явить милость «сырым и убогим». Благотворительные мероприятия киевского князя затрагивали наиболее острые проблемы славянского миропорядка: создание богаделен, раздача хлеба голодным и нуждающимся, запреты относительно обращения в рабство и жестокого обращения с невольниками. В нравоучениях митрополита Иллариона выражена надежда, что бывшие идолопоклонники смогут воспринять не только обрядовую форму христианства, но и принять заповеди, формирующие новый облик человека. «И хотя прежде бывали мы в подобии зверином и скотском, не различали правой и левой руки и, прилежам земному, нисколько не заботились о небесном, ниспослал Господь и нам заповеди, ведущие в жизнь вечную...» [8, с. 606]. Разрыв славян с привычными моделями поведения и стремление к реализации нового морального содержания в поступках мотивировались не абстрактными рассуждениями о добре и зле, что подразумевало высокий уровень образованности, а впечатляющими примерами христианской жертвенности, бескорыстия, мужества, проявленными благочестивыми служителями церкви в укреплении веры.

Наряду с жанром летописи в русской письменности появляются агиографические писания (жития святых). Поучения носят биографический ха-

ракти, в которых преодоления искушений и пороков связывались с подлинной верой, выраженной в уповании на промысел Божий и ниспослание благодати. Религиозные подвиги, описанные в них, содержат примеры братской помощи, всепрощения, благотворительности, жертвенности, обусловленных духом христианского вероучения. Из наиболее значимых произведений можно выделить «Поучения Владимира Мономаха», «Житие Феодосия», «Наставление тверского епископа Семена», «Девгениево деяние», «Житие Александра Невского». Приоритетной темой, которую рассматривали авторы XI–XIII вв., была извечная борьба добра и зла, в центре которой стоял человек со своим выбором. Именно в этот период происходит процесс духовной трансформации славянского этноса из языческого состояния в христианское мироощущение. Формальная христианизация большинства населения не затронула глубинных основ сознания, определяющих моральные формы коммуникации. Реконструкция поведенческих стандартов новообращенных предполагала переход от эмоциональных проявлений к мировоззренческим установкам. Литературные тексты в силу массовой неграмотности приобретали характер устных пересказов, доступных и понятных по стилистике, лексике и личностной форме изложения большинству населения. «Жития» побуждали читающего или слушающего к сравнению своих поступков с деяниями святых (многие из которых еще не были канонизированы), что формировало феномен, содержащий противоречия индивидуального несовершенства и высших примеров самоотречения. Способом его разрешения являлось изменение отношения к несправедливости, бесчестности, жестокости в собственных поступках.

Авторство «Жития Феодосия» приписывают летописцу Нестору, создавшему новый тип биографического повествования, в котором изложение утрачивает хронологическую последовательность перечисления жизненных фактов, а выделяются наиболее значимые события, сыгравшие определяющую роль в становлении человеческой личности. Описание искушений, которые пришлось преодолеть Феодосию на пути к благой жизни, служат смысловой предпосылкой, приближающей текст к реальности, в которой пребывает читатель или слушающий. Тем самым создавался пласт проблематики, знакомой и понятной каждому в трудностях преодоления пороков, что возвеличивало могущество единого Бога и христианского вероучения, из которого черпал силы один из первых русских святых. В народном сознании вера утверждается не через силу и власть государства, а с помощью смирения, благочестия, аскетизма пастырей, что разительно отличалось от повседневного поведения мирян, задавая новую планку в преодолении индивидуальных несовершенств.

Покорность воле Божьей – сознательный выбор образа жизни, сориентированный на реализацию справедливости, честности, праведности. Стремление к нищете отрока Феодосия совпадало с ценностным пониманием направленности христианского учения к нуждающимся и страждущим, но не встречало понимания ни у сверстников, ни в родительском доме (можно сравнить данную ситуацию с историями, описанными в «Цветочках

святого Франциска Ассизского») [12]. Подчеркивая личностное обособление, неучастие в детских забавах и радостях, невнимание к внешнему виду и другим социальным атрибутам (при материальных возможностях), автор подготавливает читателя к исключительному повороту судьбы, не совпадающему с житейскими представлениями о счастье. Смирение – одна из черт, которую Нестор использует в качестве основополагающей характеристики святого Феодосия. Его диапазон охватывает в тексте преодоление соблазнов, занятие физическим трудом, отношения с окружающими. Воля Создателя трактуется как нерушимый закон, а не личное желание (даже если оно касается паломничества на Святую землю). Нестор обращает внимание на проблему, по всей вероятности, часто встречающуюся в обращенной Руси. Институт монашества еще не укрепился в твердых традициях, и отдача себя служению вере не всегда встречала понимание и одобрение в родственном кругу. Дилемма любовь к Богу и родительская воля, веление души или следование сыновнему долгу разрешается на примере святого Феодосия в пользу почтительности и преклонения перед старшими. Он признает родительскую власть, покоряется ей и смиренно принимает ее волю, не сопротивляясь откровенному насилию. Сыновний долг утверждается как составляющая любви к Богу – Отцу. Жития включают в себя ценностные рекомендации в урегулировании конфликтных ситуаций, возникающих в обыденной жизни, исходя из нравственных принципов, обусловленных христианскими заповедями.

Подвижничество святого Феодосия представлено в нескольких ракурсах. Схимнический подвиг: ношение вериг, власяницы, отшельничество – преодоление телесной природы, доказывающий могущество силы духовной над физической немощью. Опасностям гордыни противопоставлена моральная установка: «...не быть тщеславным и покорным быть всем» [2, с. 115]. Бог прославляется человеческими делами, направленными к всеобщему благу. Способность стать выше социальных различий – утверждение равенства всех перед Создателем (будучи игуменом, святой Феодосий участвует в колке дров, ношении воды, помогает на монастырской кухне). Преодоление праздности дает новый импульс к духовному развитию. Миряне, посещавшие монастырь, получали урок кротости и простоты, сталкиваясь с подлинным исполнением долга христианина, и имели возможность адаптировать увиденные формы жизни в повседневное существование.

Нетерпимость, возникающая у славян во взаимодействии с представителями иных этносов, перерастала в агрессивность как привычный модус поведения, сложившийся на протяжении веков. Противопоставление «свой» – «чужой», присущее племенным культурам этого периода, выражается в двойственном подходе в применении нравственных правил. Что недопустимо по отношению к соплеменникам (обман, нарушение клятвы, бессмысленная жестокость, коварство), признается приемлемым к тем, кто не включен в сообщество по признакам другой веры, территории проживания, языка, обычаев. Милосердие, к которому призывает святой Феодосий, не имеет национальной составляющей. Человеческая жизнь представляет ценность независимо от того, кому она принадлежит. Терпимость и сострадание

как моральные качества формировались в результате преодоления вражды и подозрительности к иноверцам, что предполагало изменение содержания представлений о добре и зле в узконаправленном племенном ракурсе. В «Послании преподобного Феодосия к великому князю Изяславу о вере варяжской или латинской» сказано: «Милуй не токмо своя веры, но и чюжия: аще видишь нага или голодна или зимою или бедою одержима, аще то буде жидовин, или срацин, или еретик, или латинянин, или ото всех поганых, – всякого помилуй и от беды избави, я же можеша» [1, с. 500].

Проблема соотношения светских обычаев и христианских положений принимала формы острого конфликта в условиях двоеверия. Интересы княжеской власти и требования новой веры расходились в вопросах осуществления потребностей, обязанностей, прав верховного суверена и института церкви, опирающегося на государственную поддержку. Если в язычестве князь олицетворяет единство политических и религиозных факторов, то в христианском вероучении его социальное превосходство утрачивает значение перед могуществом и совершенством Бога, оставляя за ним статус человеческой сущности. Святой Феодосий обличает зло, исполненное братьями князя Изяслава в борьбе за первенство, демонстрируя мужество в отстаивании правды под угрозой заточения. Церковь принимает на себя роль «третьего судьи» в спорах верховной власти, а слово праведника получало резонансное звучание, с которым вынуждены были считаться «сильные мира сего». Нестор особо выделяет деяния святого Феодосия на поприще заступничества. Его просьбы связаны с заботой о процветании монастыря, вверенного его попечительству, помощью тем, кто претерпевал обиды и беззакония, кто был не в состоянии защитить себя, свое семейство, свое имущество. «И был он заступник вдовиц, и помощник сирот, и нищих заступник, и, попросту говоря, всех приходивших к нему отпускал, поучив и утешив, а нищим подавал, в чем нуждались они и на пропитание» [2, с. 137]. Духовные обязанности христианина, по его мнению, включали в себя заботу о мире: помощь советом заблудшим, смягчение нравов, даяние по необходимости. Тесный контакт между пастырем и прихожанами способствовал восприятию христианских ценностей и утверждению их в поведенческих установках силой достойного примера.

В религиозном и социальном подвижничестве отражалась идея приоритета власти духовной над властью светской. Право на моральное поучение обосновывалось аскезой и благочестием. Страх перед силой государственной власти мог заставить выполнять законы, но страх перед Богом определял моральную жизнь и обращал к добру. «Но подобает нам обличать вас (властителей. – *А. М.*) и говорить о спасении души. А вам должно послушать это» [2, с. 133]. Предания, описанные Нестором, о посрамлении корыстных разбойников, о победе над бесовскими происками закреплялись в устном фольклоре, включая в себя не только детальную канву событий, но и нравственную подоплеку происшедшего. Уроки, преподанные как «добротолубцам», так и злодеям, формировали новые цели и определяли средства их достижения. Физическая сила, богатство, сословные предпочтения,

плотские удовольствия, утвердившиеся у славян в качестве критерия социальной состоятельности, в свете христианского вероучения получали противопоставление в иной ценностной модели существования. Праведная жизнь защищает от зла и печали и приносит радость – основной посыл, который Нестор хотел донести до читателей и слушающих на примере святого Феодосия.

Жанр жития в максимальной степени соответствовал духовным потребностям русского общества XI в. В нем соединяются нравственная назидательность и доступность для понимания в контексте использования житейских ситуаций, мотивация к восприятию новых ценностных стандартов через эмоциональную сопричастность с милосердными поступками, описанными в литературных источниках. «В целом «Житие Феодосия» нашло идеальное выражение монументальному стилю в описании «частной» жизни отдельного человека. В последующем развитии русской литературы рассказ о жизни человека постоянно стал слагаться из отдельных эпизодов, рисующих эту жизнь значительной и как бы predeterminedной свыше» [7, с. 46]. Моральное наставничество исходило из рассмотрения проблемных ситуаций, возникающих в среде монастырской братии, в спорах и конфликтах мирян. При этом выделялась основная посылка: возможность преодоления зла обусловлена воплощением евангельских заповедей во взаимоотношениях между людьми. Новая линия поведения основывалась на личностном выборе, предполагавшем деятельное участие в жизни другого, выраженное в актах милосердия, сострадания, любви к ближнему

Время написания текстов «Жития Феодосия» (приблизительно 1088 г.) и «Поучения Владимира Мономаха» (начало XII в.) соотносится с небольшой разницей, но социальное происхождение персонажей, род занятий и жизненный опыт кардинально отличаются. Замысел книги, обращенной к сыновьям, определяется задачей наставления в государственных делах, но еще в большей степени в ней представлены советы, касающиеся нравственной жизни. Светский характер произведения проявился в исторической части текста, в которой фиксируются основные события княжения автора (борьба с половцами, попытки примирить враждующих князей, установление добрососедских связей с Византией), но он предваряет их выбранными местами из Священного Писания, акцентируя внимание читателя на моральных нормах, обязательных для христианина. Раскаяние, понимание собственной греховной природы должно стать осознанием недостойного. Внутренняя рефлексия стимулирует нравственное совершенствование, тем самым человек получает возможность духовного улучшения, добровольно отказываясь от пороков. Эмоциональные переживания, связанные с моральным преодолением зла, оказывались сильнее искушений, предоставляемых властью, использованием грубой силы, преимуществами богатства. Только благие деяния могли стать подтверждением подлинного единения с новой верой. «Всего более убогих не забывайте, но насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, и не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не пове-

левайте убить его. Если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души ... страх Божий имейте превыше всего» [2, с. 153].

К началу XII в. ситуация двоеверия приобретает новый ракурс – основные положения новой веры распространяются в светском пространстве, определяя ценностную модель жизни всех слоев общества. Восприятие большинством населения пороков и добродетелей в обыденной деятельности исходит из церковных наставлений, содержащих одобрение или осуждение конкретных человеческих проявлений. Христианское мироощущение несовместимо с леностью, праздностью, чревоугодием, пьянством, ложью, жадностью, грубостью, предательством, что способствовало переходу индивида от обрядовых различий в сфере религиозных действий к личностному перелому в восприятии себя последователем нового вероучения. «Научись, верующий человек, быть благочестивым свершителем...» [2, с. 151]. Владимир Мономах подкрепляет свои рассуждения цитированием Евангелия, что указывает на использование священных текстов в качестве непререкаемых критериев при определении добра и зла в нравственном выборе.

Моральные принципы включали патриотические убеждения, мотивированные не только политическими и государственными интересами, но и отстаиванием христианской веры перед языческой опасностью. Борьба с половцами, печенегами приобретала новое значение: сохранение этнической независимости переплеталось с религиозной независимостью, ставшей к тому времени частью национального сознания. Княжеские междоусобицы – предательство среди своих (в некоторых случаях в союзе с иноверцами) рассматривались Владимиром Мономахом как вызов христианскому мировоззрению. Тщеславие, корысть, безудержное стремление к властвованию противоречат нравственным нормам, проповедуемым церковью. Измена братским чувствам, коварство несовместимы с истинной верой, но автор «Поучения» выделяет аспект, превышающий по значимости государственные угрозы, – гибель души отступника: «...но душа своя мне дороже всего света сего» [2, с. 169]. Религиозные принципы начали существенно влиять на светские интересы и становились определяющим фактором поведения, нарушение которого являлось поводом для осуждения общественным мнением.

Литературные произведения Киевской Руси XI–XIII вв. были наполнены нравственной проблематикой в виде поучений и назиданий, которые должны были повлиять на устоявшиеся языческие обычаи в сфере социальной коммуникации. Идеалы христианской жизни преподносились в них на примере благочестивых поступков этнически родственных персоналий. Процесс утверждения новой веры, поддерживаемой государством, нуждался в эмоциональных иллюстрациях, доступных пониманию в народном сознании. Моральные действия, обусловленные христианским вероучением, истолковывались в контексте универсальности, т. е. вне статусных, национальных, материальных ограничений. Ценностная модель жизни, предлагаемая в агиографических и биографических источниках, преподносилась как побуждение к добру, милосердию, состраданию, помощи страждущим. Постепенно формировался новый тип нравственных отношений в социуме.

Список литературы

1. Греков Б. Д. Киевская Русь. М. : АСТ, 2004. 671 с. (Историческая библиотека).
2. Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси) / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачев. М. : Худ. лит., 1969. 800 с.
3. Карташев А. Очерки по истории русской церкви. В 2 т. Т. 1. М. : Эксмо-пресс, 2000. 848 с.
4. Ключевский В. О. Исторические портреты / сост., вступ. ст. и прим. В. А. Александрова. М. : Правда, 1990. 624 с.
5. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 2 кн. Кн. 1. М. : Эксмо, 2005. 848 с.
6. Козлов М. Н. Великая княгиня Ольга: от верховной жрицы до просветительницы Руси // Вестн. славян. культур. 2017. Т. 43. С. 81–95.
7. Лихачев Д. С. Великий путь. Становление русской литературы XI–XVII вв. М. : Современник, 1987. 301 с.
8. Памятники литературы Древней Руси. В 12 т. Т. 3 : сборник / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. : Худ. лит., 1981. 616 с.
9. Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 440 с.
10. Толочко П. П. Древняя Русь. Киев : Наукова думка, 1987. 248 с.
11. Четьи-Минеи. Святые русского православия X–XV вв. М. : Эксмо, 2004. 480 с.
12. Цветочки святого Франциска Ассизского. М. : Эксмо-Пресс, 2000. 480 с.

The Development of Christian Morality in the Context of Dual Faith (Literature Analysis)

A. V. Mironov

Sevastopol State University, Sevastopol

Abstract. The article deals with the process of development of moral views in the context of dual faith. The emphasis has been placed on the rationale for the change of value models at the turn of XI–XIII centuries in Kiev Rus. The authors analyze literary sources where moral problems are concerned with. Comparison of religious and secular principles of human life brings to the fore the most significant factors that determine the moral transformation in society. Basic virtues proposed as guidelines for the development of new moral standards have been investigated.

Keywords: moral transformation, moral edification, dual faith, value model of life, Christian morality.

For citation: Mironov A. V. The Development of Christian morality in the Context of Dual Faith (Literature Analysis). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2019, vol. 27, pp. 77–87. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.27.77> (in Russian)

References

1. Grekov B. *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus]. Moscow, AST Publ., 2004, 671 p. (in Russian)
2. *Izbornik Sbornik proizvedenij literatury Drevnej Rusi* [Izbornik. Collection of works of literature of Kievan Rus]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1969, 800 p. (in Russian)
3. Kartashev A.V. *Oчерki po istorii russkoj cerkvi. V 2 t. T. 1* [Essays on the history of the Russian Church. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Eksmo-press Publ., 2000, 848 p. (in Russian)
4. Klyuchevskij V.O. *Istoricheskie portrety* [Historical portrait]. Moscow, Pravda Publ., 1990, 624 p. (in Russian)

5. Kostomarov N. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyahee glavnejshih deyatelej. V 2 knigah. Kniga I.* [Russian history in biographies of its main figures. Book 1]. Moscow, Eksmo-press Publ. 2005. 848 p. (in Russian)
6. Kozlov M.N. *Velikaya knyaginya Ol'ga: ot verhovnoj zhricy do prosvetitel'nicy Rusi.* [Grand Duchess Olga: from the high priestess to the lady of Russia]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2017, vol. 43, pp. 81-95. (in Russian)
7. Lihachev D.S. *Velikij put'. Stanovlenie russkoi literatury XI-XVII v.* [Great path. Formation of Russian literature XI-XVII centuries]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, 301 p. (in Russian)
8. *Pamyatniki literatury Drevnej Rusi. V 12 t. T. 3* [Monuments of literature of Ancient Russia in 12 v. V. 3]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1994, 616 p. (in Russian)
9. Solov'ev S.M. *Izbrannye trudy. Zapiski* [Selected works. Notes]. Moscow, Moscow University Publ., 1983, 440 p. (in Russian)
10. Tolochko P.P. *Drevnyaya Rus'* [Ancient Russia]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1987, 248 p. (in Russian)
11. Chet'i-Minei. *Svyatye russkogo pravoslaviya X-XV vv.* [Chet'i-Minei. Saints of Russian Orthodoxy X-XV]. Moscow, Eksmo-press Publ., 2004, 480 p. (in Russian)
12. *Cvetochki svyatogo Franciska Assizskogo* [Flowers of St. Francis of Assisi]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2000, 480 p. (in Russian)

Миронов Андрей Владимирович
 доктор философских наук, профессор,
 кафедра политологии и международных
 отношений, Институт общественных
 наук и международных отношений
 Севастопольский государственный уни-
 верситет
 Российская Федерация, 299053,
 г. Севастополь, ул. Университетская, 33
 тел.: 8(0692)235158
 e-mail: andreyvmironov@gmail.com

Mironov Andrey Vladimirovich
 Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
 Department of Political Science and
 International Relations, Institute of Social
 Sciences and International Relations
 Sevastopol State University
 33, University st., Sevastopol, 299053,
 Russian Federation
 tel.: 8(0692)235158
 e-mail: andreyvmironov@gmail.com